

Анатолий НЕПОКУПНЫЙ

Институт языковедения, Киев

СЕРБСКО-ЛИТОВСКАЯ ИЗОГЛОССА *lìpār* 'ЛИПНЯК' / *Liņār-Liēporas* И ПРУССКИЙ ОРОНИМ *Lepare*

0. В своем "Очерке праславянского словообразования" Ф. Славский отметил, что суффикс *-arъ* "засвидетельствован в нескольких словах, часто с более или менее ограниченным распространением. Все они возникли на славянской почве, индоевропейские соответствия отсутствуют" (Sławski 1976, 20). И далее: «... очень неоднородный материал (с не всегда надежной интерпретацией) указывает на вторичность образования... Точное соответствие лит. *-oras* появляется в виде исключения, например, диал. *kaiūkoras* 'возвышенность' : *kaiūkaras* 'то же' : *kaiūkas* 'шишка'» (Ibidem, 21).

И как бы в подтверждение тезиса об отсутствии индоевропейских соответствий у славянских дериватов с суффиксом *-arъ* статья **līparъ* в "Этимологическом словаре славянских языков" в своей разработке, указав на собирательное значение названного форманта, так и не выходит за пределы Славии (см. ЭС-СЯ XV 118–119).

Вместе с тем, если обратиться к балтийским ономастическим материалам, то окажется, что последние, во-первых, позволяют внести определенный корректив в утверждение автора "Очерка праславянского словообразования", а во-вторых, дают возможность дополнить текст соответствующей статьи праславянского словаря указанием на индоевропейскую перспективу.

Как выяснилось, донныне вне внимания исследователей оставался тот факт, что между славянскими и балтийскими языками существуют не только разрозненные суффиксальные (праслав. *-arъ* / лит. *-oras*), но и цельнооформленные (корень + упомянутый суффикс) соответствия в названиях лесов.

Об этом ниже и пойдет речь.

1. В сербском языке употребляется слово *lìpār*, (род. пад.) *-ára* (муж. рода) "липова шума, липов гај, липик", т. е. 'липовый лес, липовая роща, липняк', которое достаточно широко представлено как в научной, так и в художественной литературе:

И еще Вук Караджич в своем сербском словаре 1852 г. в отдельной статье привел форму *Liņār*, *-ára* как название горы между Ягодиной (Светозарево) и Багрданом (Там же). Ср. местечко и село Багрдан в районе Светозарево Республики Сербии (IMJ, 67).

Как топоним (*mjesno ime*) искомая форма *Lipar* зафиксирована в ряде ближайших и более далеких районов, расположенных к северу и северо-западу от Светозарево (как ориентира локализации оронима *Lūnār*):

- 1) *Livada u Liparu* (Крагуевац, 1861 г.),
- 2) *Ńiva u Liparu* (Пожаревац, 1863 г.),
- 3) *Ńiva u Liparu* (Белград, 1865 г.),
- 4) *Ńiva pod Liparom* (Шабач, 1866 г.) и др. (RJA VI 98), т.е. речь идет о названиях одного луга и трех полей (нив).

Еще дальше на север известен и населенный пункт *Lipar*, община Кула, район Врбас той же самой Республики Сербии (IMJ, 261).

Что же касается Хорватии, то на ее территории в свое время было зафиксировано только одно географическое название исследуемого ряда – *Lipar* – поселок (*zaselak*) в жупании Модруш – Риека (RJA, *ibidem*), т.е. уже в районе побережья Адриатического моря.

При этом небезынтересно сравнить только что приведенную форму с ойконимом *Lipik* в районе Дарувар в Хорватии (IMJ, 261) как деривационно противопоставленный вариант названия липового леса. Ср. сербское определение значения слова *lūnār* (см. выше), а также саму дефиницию в статье *lūnīk* “липова шума, липов гај, липар” (РСА XI 462. – Подчеркнуто нами. – А. Н.).

Возвращаясь к собственно сербским свидетельствам, следует к перечню топонимических “репродукций” апеллятива *lūnār* ‘липняк’ присоединить еще и форму *Lūnar* – название горы в одном из сербских поселений на территории Венгрии (см. ЭССЯ XV 119).

Таким представляется тот минимум свидетельств, которые необходимо было подать для характеристики серб. *lūnār* ‘липняк’ и его прямых (в словообразовательном отношении тождественных апеллятиву) ономастических производных.

2. Еще в 1913 г. К. Буга определил, что ойконимы *Lierogai* – два села в приходах Шяуляй и Крюкай и гидроним *Lieroga* – левый приток реки Швитинис в уезде Шяуляй образованы от названия липы – *līera* (Būga 1958, 525).

В дальнейшем П. Скарджюс рассматривал речное наименование *Lierogas* (Skardžius 1943, 307) как дериват с комбинированным словообразовательным формантом, состоящим из конца основы и более древнего унаследованного суффикса (*Ibidem*, 563).

Позже Я. Отрембский предпринял попытку содержательно интерпретировать тот же самый гидроним: «*Lierogas* (или скорее *Liėrogas*) ... первоначально, может быть, название какой-нибудь местности по соответствующей реке, по-польски было бы ‘*Lipówka*’» (Otrębski 1965, 150), т.е. ‘Липовка’.

Вместе с тем имплицитно поставленный К. Бугой вопрос все еще остается на периферии внимания исследователей балтийской деривации. Однако уже и

сейчас можно в этом плане и хронологически углубить, и географически расширить необходимые поиски.

2.1. Исторические источники позволяют внести ряд дополнений к современным данным о производных образованиях от названия липы типа *Liēroga*.

Так, если река с таким наименованием протекает через село Крюкай (*Kriukai*), то в трех километрах к юго-востоку от последнего находится и село *Liērōgai*, упоминаемое как имение под 1586 г. (TLE II 543). Ср. свидетельства датированного тем же годом памятника: ... *в поли Лепарахъ над реч(кою) Шешевой мешкаючи ... в домъ мой, лежащий в повете Унитскомъ в поли Лепарахъ* (ABK XXVI 353).

Особенно важным представляется то, что всякое сомнение относительно в свое время предложенного Я. Эндзелином (даже под вопросом) сравнения латышского речного названия *Liēpars*, с одной стороны, и литовского – *Liepara* *upė* – с другой (Endzelīns 1961, 339), теперь должно быть отброшено: речь идет об одной и той же самой водной артерии, которая в верхнем течении (в Литве) именуется *Liēporas*, *Lieporas* (LUEV 92), тогда как в нижнем (в Латвии) – *Liēpars*.

К этому же ряду относится и ойконим *Lieporiāi*: 1) село, расположенное в 3 км к юго-западу от г. Шяуляй, 2) часть этого же села, которая в настоящее время входит в черту названного города как его юго-западная окраина (TLE II 543).

Под 1596 г. в актовых книгах Россиенского земского суда дважды упоминаются *Лепары* как “грунт в Шавельской волости, возле озера *Истены* и границы имения *Рикиева*” и как “посад” (Спрогис 1888, 166). Для локализации ср. современное *Rekuva*, южная часть г. Шяуляй (TLE III 526).

Вместе с тем пятью годами раньше, под 1591 г. в названном выше собрании юридических документов была зафиксирована также и форма *Лепоры* “село в Шавлевской (так!) волости возле границы села *Киторы*” (Спрогис 1888, 166).

И несмотря на то, что ойконим *Киторы* нам не удалось идентифицировать в современном географическом контексте, все же вряд ли возможно, чтобы в пределах одной волости одно и то же редкостное название относилось к двум селам. Надо думать, что *Лепоры* (1591 г.) и *Лепары* (1596 г.) – это два варианта записи наименования одного и того же населенного пункта (село, “посад”, а также “грунт”).

Приведенные К. Бугой формы “липовых” топонимов – *Lieporai* (два села в различных районах) и *Liepora* (река) были предварены им примером еще одного производного от другого дендронима – *bērzas* ‘береза’: *Bēržoras* – озеро и село в приходе Платяляй (Būga 1958, 525).

В уже упоминавшихся выше актовых книгах Россиенского земского суда под 1597 г. приведен “Инвентарь Плотельской дуржавы” от 1585 г., в котором

читаем: “Озеры до того двора належащие, то есть: озеро Плотели, Сійки, Ловмы, Бержоры, Жеды, Ешино...” (АВК XIV 298). Как видим, в этом перечне только последний лимоним имеет форму единственного числа.

Очевидно, что подобно синхронным с ним фиксациям села *Лепоры* / *Лепары*, как и его современному продолжению *Lierotiai* (Шяуляй и его окрестности), с одной стороны, а также ближайшему аналогичному образованию *Lierōtai* (Йонишкис, Крюкай) – с другой, название озера *Бержоры* также выступает во множественном числе (*Beržotai*). Ср. нынешнюю форму единственного числа – *Béržoras*, которая неоднократно зафиксирована в живой речи, в частности, в 1991 г., как обозначение озера (вариант *Béržogo ėžeras*), села и леса (наряду с *Beržorinis miškas*, *Béržogo miškas*) и др. (ИЛЯ/ТК).

Кстати сказать, на северном берегу упомянутого гидрообъекта расположено и одноименное село (Плунгеский р-н, апилинка Платяляй), где соответствующее имение было известно еще в XV в. (TLE I 240). Ср. в “Литовской метрике” под 1511 г. подтверждение королем польским и великим князем литовским Сигизмундом I Старым данного его отцом Казимиром IV Ягеллончиком (1427–1492) права на владение, в частности, озером в Жемайтии возле имения – в современном воспроизведении названия – *Beržoras* (LIŠ I 99).

Таким образом, среди гидро- и ойконимии северо-запада Литвы как минимум в ориентирах Плунге–Шяуляй–Йонишкис с XV–конца XVI вв. вплоть до настоящего времени прослеживаются весьма характерные образования на *-oras* (*-ora*), производные от названий деревьев.

К намеченному ареалу относится еще одно производное исследуемого дендронимического ряда: *Lazdorius*, приток Дубуписа, правого притока Вянты (г. Мажейкяй) (LUEV 89). Речное название восходит к лит. *lazdà* ‘орешник’ (Vanagas 1970, 189; 1981, 184), т.е. ‘дерево или куст, на котором растут орехи (*Corylus avellana*)’ (LKŽ VII 212, 213).

Приведенное свидетельство следует дополнить новыми данными. Так, на берегу р. Вянты соответственно в 4 и 5 км к юго-востоку от г. Мажейкяй расположены села Найкяй и Кракяй (TLE III 175; II 382), в окрестностях которых записаны топонимы: 1972, *Lazdoriai*, село, 1969, *Lazdōrių bižžė*, лес и *Lazdōriai*, лес, 1969, *Lazdōrių kėlias*, дорога (ИЛЯ/ТК).

1–2. Сохранение в сербском языке апеллятива *līnār* ‘липовый лес, липняк’, с одной стороны, и его многократное воспроизведение в географических названиях Сербии и ее соседей – с другой, дают основание утверждать, что цельнооформленное соответствие этой форме в литовской топонимии (*Liėporas* и под.) также является производным образованием от идентичного собирательного наименования липового леса, которое в литовском языке оставило по себе след исключительно в именах собственных.

Независимое друг от друга сосуществование во времени, но не в пространстве двух рядов свидетельств – сербского (*lìpnār* ‘липняк’/ *Lìpnār*, гора и др.) и литовского (*Liėrogas*, река и др.) позволяет реконструировать балто-славянскую лексико-словообразовательную изоглоссу: общее название липы (*Tilia* L.) + общий собирательный суффикс – серб. *-ār*/ лит. *-oras*.

Сам факт существования цельнооформленного соответствия с участием дендронима, известного только в балтийских и славянских языках, не оставляет сомнения в балто-славянской древности данной деривационной модели.

Что же касается попутно приведенных производных от названий других видов деревьев (ср. лит. *Бержоры*/ *Béržoras* и др.), то для учения о праславянском словообразовании уверенно можно говорить об известности у праславян по меньшей мере одного способа наименования лесов, который объединял их с древними балтами.

3.0.1. Этапным событием в истории прусского топонимикона стала делимитация в 1333 г. границы между двумя частями Самбии: владениями Самбийского епископства, с одной стороны, и Тевтонского ордена – с другой. На основе подготовительных работ, проведенных по обе стороны устанавливаемого рубежа, были составлены два параллельных латинских текста, которые изобилуют как ориентирами на местности, так и их названиями.

Две основные редакции “Трактата о разделе” (*Theilungstraktat*) в двух полусах набора на каждой странице и со сносками относительно разночтений тех или иных топонимов в различных списках первоисточника были опубликованы в составе сборника документов Самбийского епископства (SU 1891, 183–197). В данном описании общей границы, осуществленном двумя договаривающимися сторонами, содержится, на наш взгляд, еще очень мало использованный резерв для реконструкции географии прусского языка. В частности, это относится к словообразованию.

Чтобы проиллюстрировать высказанный тезис, рассмотрим два варианта оронима, которые выступают в различных редакциях обсуждаемого памятника, однако называют один и тот же географический объект на местности.

3.0.2. Почти за двадцать лет до первой полной публикации обсуждаемого документа (ему будет присвоен № 270) Г. Г. Ф. Нессельман, сопоставив различные списки (*Codex*) “Трактата о разделе” Самбии, впервые обратил внимание на то, что об одном и том же участке границы в “кодексе А” говорится: *juxta viam prope montem leypiten dictum*, что сопровождается вариантами (“С”) *Leypiten*, (“D”) *leypitten* (Nesselmann 1870, 295), тогда как в “кодексе В” выступает уже совсем иная форма: *prope viam et montem qui vocatur Lepare* (*ibidem*). Оба словообразовательных варианта *Lepiten* (*Leypiten*, *Leypitten*) и *Lepare* исследователь возвел к прус. *lipa* Е. 601 ‘липа’, а название горы интерпретировал как *Lindenberga* (*ibidem*, 310), т. е. ‘Липовая гора’.

При этом не лишним будет отметить, что деривационному противопоставлению *Leypiten* (SU 1891, 184 – *Leypitin*) – *Lepare* непосредственно предшествует параллельная оппозиция форм *Lasanos*–*Lasinus*, а несколько ниже выступает еще одна словообразовательная “дивергенция”: *Sabunyn* – *Sabin* (*Ibidem*, 184–185), кстати сказать, не учтенная Г. Геруллисом в его словаре.

Через полвека, ссылаясь на текст “Трактата о разделе”, Г. Геруллис суммарно сообщит: “1331 *Leypiten*, *Leypitten*, *Lepiten*, *Lepare*, Berg SU 184 im Samland: pr. **leipo* ‘Linde’... + Suff. -*īt*-...” (Gerullis 1922, 86).

Приведенная словарная разработка Г. Геруллиса о названии горы в Самбии заняла прочное место в науке о прусском языке. Ср. форму *Leypiten* в словарях Я. Эндзелина (Endzelīns 1943, 203), Э. Френкеля (Fraenkel 1962, 366), В. Н. Топорова, выделившего производное **leip-īt* в особую статью (Топоров 1990, 202–203), В. Мажюлиса (Mažiulis 1996, 70) и др.

3.0.3. Вместе с тем в актив пруссистики вошла только та форма самбийского оронима, которая была в словообразовательном плане уже интерпретирована Г. Геруллисом: *Leypiten*, *Leypitten*, *Lepiten*...

Что же касается самого последнего варианта названия той же самой горы – *Lepare*, то он как у автора труда о прусской топонимии, так и в последующем развитии западнобалтийских штудий никак не привлек к себе внимания. Единственное исключение из этого правила связано с именем Я. Эндзелина.

3.1. Уже посмертно опубликованный том “Топонимов Латвии” содержит, в частности, статью о названии реки *Liēpars*, левого притока Свитене, левого притока Лиелупе, впадающей в Рижский залив (один рукав – в Даугаву). Об этом гидрониме выше (см. 2.1.) уже шла речь.

Однако для нашего разыскания основной теоретический акцент упомянутой разработки заключается не столько в ее материалах, сколько в ее вопросе: “*Sal[idzini] arī ... pr. Lepare ka[lns]* [G. Gerullis. Die altpreußischen Ortsnamen], 86?” (Endzelīns 1961, 339), т.е. ‘Сравни также ... прус. *Lepare*, гора (ссылка на труд Г. Геруллиса)?’

В связи с таким предложением провести сравнение латышских вариантов названия реки с прусским оронимом особую значимость среди первых приобретают те формы, которые по своей структуре оказываются идентичными прусскому образованию.

Так, отметим то, что в первой издававшейся на латышском языке газете “*Latviešu Avīzes*” (г. Елгава) та река, которая в настоящее время называется *Liēpars* (левый приток Свитене), в 1823 г. (№ 48) была поименована *Leeparē* (Endzelīns 1961, 339).

Устойчивость латышской формы, тождественной прусскому орониму *Lepare*, подтверждается и более поздними источниками. Например, вышедший в 1884 г. очередной том “Географического словаря Королевства Польского и

других славянских стран” содержит статью: “Leparka, река в Курляндии, Lepare, Leerare, левый приток Швиты (Szwity), впадает к северу от фольварка Neu Bergfried” [SG V (49) 149], т. е. в современной Латвии это Яунсвирлаука (говор № 149).

Кстати сказать, в исторических документах Литвы исследуемый гидроним упоминается как:

- 1) *Lepara*: 1696, nad Rzeką Leparą (БВУ/ОР, ф. 8 – 533, л. 1),
- 2) *Leparka*: 1741, Dobra... nazwane Lepary, alias Anusiewiczze nad Rzeką Leparą... (ЛГИА, ф. ДА – 15347, л. 48 об.),
- 3) *Liporka*: 1800(1640), do Rzeczki Liporki w tym Polu Leparach... (БВУ/ОР, ф. 8 – 572, л. 1) и др.

Ср. современные записи названий того же самого водоема: 1979, Lepõrka “раньше была река, а теперь канава”, Līepor’s “канава, идущая в Латвию” (ИЛЯ/ТК) и др.

Существование собственно латышской параллели Leerare–Lepare–Līēpars представляется весьма важным для интерпретации исследуемого прусского оронима Lepare и включения его в общую балто-южнославянскую изоглоссу.

3.2. Обе территориально связанные между собой и локализуемые вблизи границы с Латвией литовские формы, как в структурном плане исходную (река Līērogas, единств. число), так и производную (село Līepõrai, множеств. число), еще К. Буга в 1913 г. поставил в один ряд с также современным названием жемайтского села Skabõrai, находящегося по соседству с н. п. Твярай Плунгеского р-на Литвы (ср. Вūga 1958, 525).

И вот что интересно. Как оказалось, в недалеком будущем именно к этой же самой, если можно так выразиться, “жемайтской точке опоры” будет обращаться и Г. Геруллис как автор исследования о прусской топонимии, когда в архиве г. Эльбинга (ныне г. Эльблэнг, Польша) в единице хранения, именуемой “Elbinger Copialbuch”, под 1289 г. (л. 103) встретит название поля Scobors.

Речь идет о трижды засвидетельствованной в актовых книгах Россиенского земского суда (под 1585, 1594 и 1595 гг.) форме “Скабары, село в Ретовской волости” (Спроги с 1888, 290). Ср. в Плунгеском р-не Литвы г. Rietavas, к востоку от которого и находится местечко Твярай как ориентир для локализации села Skabõrai/ Скабары.

Следовательно, в составе самого по себе прусского топонимикона название горы Lepare под 1331 г. не является абсолютно изолированным суффиксальным образованием типа отмеченных выше литовских производных на -oras. Как минимум, известна еще одна форма исследуемого деривационного ряда – наименование поля Scobors.

3.3. В своем топонимическом словаре Г. Геруллис пишет: “Ansnit “cyn cych-walt” SU 193” (Gerullis 1922, 10), и поэтому может создаться впечатление,

что в самом же памятнике прусское географическое название истолковывается с помощью немецкого апеллятива. В действительности же в данном случае имеет место контекст: *in querceto, quod eyn eychwalt nominatur* (SU 1891, 193), т. е. объясняется лат. *quercetum* ‘дубовый лес, дубняк’, тогда как само упоминание о лесе *Ansrit* (*per silvam Ansrit*) встречается двумя строками ниже.

Итак, отождествление *Ansrit* “*eyn eychwalt*” – это отнюдь не прямое свидетельство первоисточника, а уже пусть даже и достоверная, но все же реконструкция, осуществленная самим исследователем.

С учетом высказанной оговорки принимая трактовку названия леса *Ansrit* – как “прусскую глоссу” (Маژیулис 1966, 29), мы уже с большей уверенностью присоединяемся к предложению составителя издания “*Prūsų kalbos paminklai*”, что “относительно своего суффикса это прусское слово, кажется, можно сравнить с лит. *qžuol-ýt-ė* ‘дубняк’ (Гиркальнис)” (*Ibidem*, ¹³⁶).

Приведенная литовская параллель своим источником имеет Академический словарь, в котором статья *qžuolýté* ‘*jaunų ažuolų miškas, ažuolynėlis*’, помимо примера из с. Гиркальнис Расайняйского р-на, иллюстрируется толкованием из “Литовского словаря А. Юшкевича”: “*Kur daug jaunų ažuolų, bus qžuolýté*”, а также указывает на другие местности, где отмечено такое словоупотребление – Купишкис (райцентр) и Рамигала Панявежисского р-на (LKŽ I² 535–536).

Теоретическая основа для интерпретации деривационной структуры лит. *qžuolýté* была заложена в уже упоминавшейся классической работе П. Скарджюса, который, опираясь на серию форм из цитируемого выше словаря XIX в. (*alksnýté* ‘*jaunas alksnynas*’, *beržýté* ‘*jaunas berželių miškas, beržynas*’, *eglyté* ‘*eglynas*’ и др.), пришел к выводу, что такой словообразовательный вариант названия леса стоит в одном ряду с широко известными формами на *-ynas* или *-ynė*, имеющими собирательное значение (Skardžius 1943, 356).

Ср. представленную исследователем серию интересующих нас наименований: “нем. *Eichenwald*... рус. *дубовый лес* наряду с *дубняк*, польск. *las dębowy* наряду с *dąbrowa*, лит. *qžuolýnas, qžuolýnė* и *qžuolýté*...” (*Ibidem*, 395).

Так мы однозначно выходим на то, что в оппозиции форм *Leipiten* (*Leipitin*)–*Lepare* суффикс *-īt-* несомненно имеет собирательное значение.

Более того, сказанное подтверждается существованием цельнооформленного соответствия прусской форме: ср. лит. *liepýté* ‘*liepų krūmai*’ (Пагува Панявежисского р-на; запись Й. Яблонскиса) (LKŽ VII 426).

И все это вместе взятое является важнейшим собственно балтийским аргументом в пользу того, что и суффикс *-ar-* в другой части противопоставления также должен выполнять ту же самую семантическую функцию: *Lepare* < **lepare* ‘липовый лес, липняк’.

Таким образом, можно говорить о существовании в прусском языке лексико-деривационной модели:

название дерева + суффиксы *-īt-/-or-* = название леса, состоящего из соответствующих деревьев. В этом случае оба форманта имеют собирательное значение.

3.4. В качестве “достойной внимания особенности прусского языка” Г. Геруллис назвал, в частности, то, что “суффикс там и сям еще не настолько прочно сросся с именем, чтобы его нельзя было заменить или же уступить место бессуффиксной форме: *Dewune// Dewynne*, озеро – *Rutczow// Rotczing*, озеро – *Stekelint// Stekele*, ручей” (Gerullis 1922, 260).

К этому же явлению параллелизма в суффиксации наименований объектов природы относятся и исследуемые нами два основных сосуществующих варианта названия одной и той же горы в Самбии, статью о которых в эвентуальном будущем новом “Геруллисе”, т. е. новом издании прусского топонимикона, целесообразно было бы озаглавить как: 1331 *Leypiten* (*Leypitten*, *Lepiten*)// *Lepare*.

3.1–4. Как нам представляется, в данном случае имеет место встреча двух изоглосс с восстанавливаемым исходным апеллятивом ‘липовый лес, липняк’.

И если первая из них (*Leypiten...*) позволяет обнаружить свое продолжение лишь в литовском ареале, то вторая (*Lepare*) через топонимикон Литвы и Латвии выходит на юг Славии, где в сербском языке вплоть до настоящего времени продолжает жить живой жизнью слово *lìnāp* ‘липовый лес, липняк, липовая роща’, точное соответствие которому в балтийских языках уже давно вышло из употребления, оставив по себе память в литовско-латышско-прусской топонимической параллели *Liëporas–Liëpars / Lepare–Lepare*.

1–3.1. Возвращаясь к сербскому топонимикону, хотелось бы особо выделить, помимо собственно языковедческого, также и точное географическое соответствие в уже только прусско-сербской изоглоссе *Lepare* (1331 г.) – *Lìnāp* (1852 г.): в обоих случаях это название горы, которое было обусловлено тем, что на ее склонах (или также и на вершине) рос липовый лес.

Возвышенности и горы с покрывающими их липовыми лесами нередко получали свои названия именно от последних.

Так, на части бывших прусских земель – в пределах Ольштынского воеводства Польши отмечено две горы (высотой 89 и 228 м) и четыре горки (*pagórek*; высотой 35 – 127 м) с двойным, но одним и тем же наименованием: нем. *Linden Berg*, польск. *Łipowa Góra* (Leyding 1959, 68, 76, 91, 127, 263, 371).

С подобными “липовыми горами” как элементами ландшафта иногда оказывалось связанным и возникновение поселений, чему, вероятно, мы обязаны существованием в Литве шести ойконимов типа *Liėpkalnė*, *Liėpkalnis* (LATSŽ, 160), половина которых, кстати сказать, локализуется в Жемайтии, обнаруживающей особо тесные связи с бывшим ареалом прусского языка.

Таким образом, на сегодня единственная известная “липовая гора” в Пруссии – “... *Lepare, Berg*” (Gerullis 1922, 86) как ландшафтная реалия получает поддержку не только в лингво-, но и просто в географическом контексте ближайших к ней территорий.

Что же касается балканской части изоглоссы *Lepare–Lūnāp* именно как названия горы, то при сохранении соответствующего апеллятива, о чем шла речь выше (см. 1), ряд производных от него оронимов не может не оставаться открытым.

1–3.2. В свое время И. Дуриданов уже обратил внимание на то, что между балтийскими и южнославянскими языками наблюдается точное лексико-словообразовательное соответствие в названии холма: лит. *kaūkaras* – болг. *čukár*, серб. *Čukar* (как топоним), на основании чего болгарский исследователь пришел к выводу о существовании балто-славянского суффикса *-ar-as* (Duridanov 1969, 21–22, 26). Кстати сказать, этот результат еще не был учтен при обсуждении суффикса *-arъ* в “Очерке праславянского словообразования” Ф. Славского (ср. Sławski 1976, 20–21).

Данная оронимическая изоглосса, как оказалось, входит в более широкую группу терминов возвышенного рельефа, образованных по семантико-словообразовательной модели – корень ‘сгибать’ + *-r*-суффиксация (см. Непокупный 1998, 76).

Наше разыскание позволило указать на еще одну балто-южнославянскую изоглоссу с тем же самым балто-славянским суффиксом *-or-/ar-*: названия липового леса в частности и лесов вообще. При этом оказалось, что балтийская часть изоглоссы представлена не только Литвой (*Liėporas*) и Латвией (*Liėpars, Lepare*), но также и Пруссией (*Lepare*).

SERBŲ BEI LIETUVIŲ KALBŲ IZOGLOSA *lūnāp* ‘LIEPYNAS’/ *Lūnāp–Liėporas* IR PRŪSŲ ORONIMAS *Lepare*

Santrauka

1913 m. K. Būga atkreipė dėmesį, kad Lietuvoje yra tokių vedinių iš liepos (*Tilia L.*) pavadinimo kaip du Šiaulių apskrities kaimai *Lieporai* ir viena upė *Liepora* (dabar – *Liepdriai, Lieporiai* ir *Liėporas*). Tačiau iki šiol minėtos formos nebuvo ištirtos.

Serbų kalboje vartojamas žodis *lūnāp* ‘liepynas’, turintis gausių refleksų Serbijos ir kaimyninių šalių vietovardžiuose (pvz., kalnas *Lūnāp* ir t. t.). Serbų priesaga *-ap* šiuo atveju turi kolektyvinę reikšmę, kurią galima įžiūrėti atsakančioje lietuvių priesagoje *-oras* (plg. *Liėporas*). Tas pats formantas glūdi ir prūsų kalno pavadinime *Lepare* (Semba, 1331 m.).

Taip rekonstruojama serbų (pietų slavų) bei lietuvių (rytų ir vakarų baltų) bendra izoglosa, leidžianti, viena vertus, pakoreguoti tam tikrus teiginius apie praslavų kalbą ir jos žodžių darybą, kita vertus, suteikianti baltų kalbų reliktais slavišką bei indoeuropietišką kontekstą.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ABK XIV, XXVI – Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, XIV: Инвентари имений XVI-го столетия, Вильна, 1887; XXVI: Акты Упитского гродского суда, там же, 1899.
- БВУ / ОР – Библиотека Вильнюсского университета: Отдел рукописей.
- ИЛЯ / ТК – Институт литовского языка: Топонимическая картотека (Вильнюс).
- ЛГИА – Литовский государственный исторический архив (Вильнюс).
- Непокупний А. П., 1998, Слов'янська термінологія підвищеного рельєфу в індоєвропейському аспекті, – Мовознавство, 2–3, 62–77.
- РСА XI – Речник српскохрватског књижевног и народног језика, кн. XI (*кукутка – маква*), Београд, 1981.
- Спрогис И. Я., 1888, Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам Россиенского земского суда, Вильна.
- Топоров В. Н., 1990, Прусский язык. Словарь, Л, Москва.
- ЭССЯ XV – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. 15 (**lětina – *lokačь*), под ред. О. Н. Трубачева, Москва, 1988.
- Būga K., 1958, Rinktiniai raštai, I, sudarė Z. Zinkevičius, Vilnius.
- Duridanov I., 1969, Südslawisch-baltische Übereinstimmungen im Bereiche der Wortbildung, – Baltistica, V (1), 21–27.
- Endzelīns J., 1943, Senprūšu valoda: Ievads, gramatika un leksika, Rīga.
- Endzelīns J., 1961, Latvijas PSR vietvārdi, I (2), K-Ö, Rīga.
- Fraenkel E., 1962, Litauisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg etc.
- Gerullis G., 1922, Die altpreußischen Ortsnamen, Leipzig etc.
- IMJ – Imenik mesta: Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji, Beograd, 1956.
- LATSŽ – Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas, II, parengė Z. Noreika ir V. Stravinskas, Vilnius.
- Leyding G., 1959, Słownik nazw miejscowych okręgu mazurskiego, II: Nazwy fizjograficzne (zlokalizowane), Poznań.
- LIŠ I – Lietuvos TSR istorijos šaltiniai, I: Feodalinis laikotarpis, Vilnius, 1955.
- LKŽ I², VII – Lietuvių kalbos žodynas, I², VII, Vilnius, 1968, 1966.
- LUEV – Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, Vilnius, 1963.
- Mažiulis V., 1966, Prūsų kalbos paminklai, Vilnius.
- Mažiulis V., 1996, Prūsų kalbos etimologijos žodynas, III, Vilnius.
- Nesselmann G., 1870, Forschungen auf dem Gebiete der preussischen Sprache: Erster Beitrag, – Altpreussische Monatsschrift, VII (4), 289–319.
- Otrębski J., 1965, Gramatyka języka litewskiego, II: Nauka o budowie wyrazów, Warszawa.
- RJA VI – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, VI (*lekenički–Moračice*), u Zagrebu, 1904–1910.
- SG V – Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, V (49), Warszawa, 1884.
- Skardžius P., 1943, Lietuvių kalbos žodžių daryba, Vilnius.
- Ślawski F., 1976, Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego, – Słownik prasłowiański, II, Wrocław etc.
- SU 1891 – Urkundenbuch des Bisthums Samland, Leipzig.
- TLE I–IV – Tarybų Lietuvos enciklopedija, I–IV, Vilnius, 1985–1988.
- Vanagas A., 1970, Lietuvos TSR hidronimų daryba, Vilnius.
- Vanagas A., 1981, Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas, Vilnius.